

* * *

Всё подряд – и хвори, и усталость,
И к погосту странный интерес...
Не беда, что прошлое промчалось,
А беда, что нового в обрез.
Что всё реже слышу сквозь метели
Эту песню робкую твою.
Не беда, что гнёзда опустели,
А беда, что новых не совью,
Что среди уныния и гула
Измельчали мысли и дела.
Не беда, что руку протянула,
А беда, что после – убрала...
Что легко вошла, как бритва в масло,
В душу облетающая медь.
Не беда, что тлевшее погасло,
А беда, что нечему гореть.

* * *

...Наш примус всё чадил устало,
Скрипели ставни... Сыпал снег.
Мне мама Пушкина читала,
Твердя: «Хороший человек!»

80

Забившись в уголок дивана,
Я слушал – кроха в два вершка, –
Про царство славного Салтана
И Золотого Петушка...
В ногах скрутилось одеяло,
Часы с кукушкой били шесть.
Мне мама Пушкина читала –
Тогда не так хотелось есть.
Забыв, что поздно и беззвёздно,
Что сказка – это не всерьёз,
Мы знали – папа будет поздно,
Но он нам Пушкина принёс.
И унывать нам не пристало
Из-за того, что суп не густ.
Мне мама Пушкина читала –
Я помню новой книжки хруст...
Давно мой папа на погосте,
Я ж повторяю на бегу
Строку из «Каменного гостя»
Да из «Онегина» строку.
Дряхлеет мама... Знаю, знаю –
Ей слышать годы не велят.
Но я ей Пушкина читаю
И вижу – золотится взгляд...

* * *

В струенье жизни быстротечном
Слышнее грома – только тишь.
Вовек не станет слово вечным,
Когда о вечном говоришь.
Но если, предваряя звуки,
Вдруг захлебнёшься тишиной,
Немым предвестником разлуки
Простор увидится сквозной.
И так – от выдоха до вдоха,
От первых дней до серых плит...
И кем ты стал – решит эпоха,
А вечность – кем не стал решит...

* * *

«Эрос», «филия», «сторге»,
«агапэ», «латрейя» – греческие
слова, обозначающие различные
оттенки любви

Языки мелеют, словно реки,
Но теченью лет не прекословь...
Много знают чувственные греки
Слов, обозначающих любовь.

Научились жить раскрепощенно
И, расцветив жизненную нить,
О любви светло и утонченно,
О любви – с любовью говорить...

А наш круг житейский, словно дантов –
Как ни хлещут чувства через край,
Но по-русски нету вариантов
И любовь любовью называй.

Но зато, скажу без укоризны,
В русском слове, что не превозмочь,
Много есть названий для Отчизны:
Родина, Отечество и проч.

Есть название громкое – держава,
Ну а в нём сплелись и «кровь», и «кров».
Многогранна воинская слава,
А любовь?.. Она и есть любовь.

И, большой любовью обогретый,
Я другого слова не терплю.
Женщину люблю... Люблю рассветы...
И ладони мамы люблю...

* * *

Меня чуть что лекарством пичкая,
Мелькнуло детство. Чёт – не чёт...
Какой у мамы суп с лисичками,
Какие draniki печёт!

Соседские заботы – дачные,
А я не дачник, мне смешно...
Вновь Первомай!.. Вожди невзрачные,
Зато душевное кино!

Мы всех сильнее?.. Я лучше с книгою,
Я нынче Блоком поглощён.
Но как красиво Брумель прыгает,
Как Власов дьявольски силен!

Куда всё это вскоре денется?..
Молчанье из-под чёрных плит...
Но как же хочется надеяться,
Но как же Родина болит!

Болит... И горлицей проворною
Мелькает в дымке заревои,
Где столько лет над речкой Чёрною
Не тает дым пороховой.

МОЛИТВА

Любимой

Я такой же, Господи, среди всех...
Помоги мне, Господи, хоть и грех!
Помоги мне, Господи, согрешить,
Помоги по-божески не прожить.
Чтобы стали други ко мне глухи,
Чтобы после прокляли за грехи...
Но пока, о Господи, но пока
Доведи, о Господи, до греха.
Чтобы жали в аду меня злым огнём,
Но потом, о Господи, но потом...

* * *

Она всего лишь руку убрала,
Когда он невзначай её коснулся.
Он пересел за краешек стола...
Налил фужер... Печально улыбнулся.

Она в ответ не выдала ничуть,
Что прикасанье обожгло ей кожу.
Сказала тихо: «Поздно... Как-нибудь
Увидимся... Я вас не потревожу...»

И поднялась... Напрасных мыслей рой
Пульсировал артериею сонной.
Ушёл он... С обожжённой душой...
Ушла она... С рукою обожжённой...

* * *

Черта... Забвения печать
В просторе пегом...
Исчезнуть?.. Просто снегом стать?..
Я стану снегом!

Чтоб вьюга закужила всласть
Под ветер грубый.
Хочу снежинкою упасть
Тебе на губы.

Чтобы, хмелея без вина,
Не сняв косынку,
Ты удивилась – солона
Одна снежинка...

То просто вымолив себе
Твою простуду,
Я буду таять на губе,
Я таять буду...

* * *

Когда отзовется холодным и сумрачным
вечером

Всё то, что осталось
на доньшке стылой души,
Вдруг вспомнишь внезапно,
что в общем-то вспомнить и нечего –
Исписаны перья да сломаны карандаши.

И сколько сквозь полночь
в крошечную даль ни поглядывай,
И сколько на полке среди старых блокнотов
ни шарь,

Припомнится только
окопце под плёночкой матовой
Да радужный полдень, где с неба течёт
киноварь...

А так – ничего...
Хорошо хоть, что узкая стёжечка
Могла, но не стала
коварной дорожкой кривой...
И юная мама всё кормит сыночка из ложечки,
А папа смеётся, чтоб кануть в дали заревой...

Что было, то сплыло...
Все дали слезой затуманены.
Скатилась слезинка... Размыла на справке
печать...

Остались строка...
Переулочек...
Драники мамины...
Ладони любимой... И что-то, о чём не сказать...

* * *

Свеча горела...
Борис Пастернак

Дрожат небесные лучи
Меж тонких веток.
Судьбу с реальностью сличи –
И так, и этак...

Мерцает тихо вновь и вновь
Средь снегопада
Свеча-судьба, свеча-любовь,
Свеча-отрада.

И невозможно оторвать
Свой взор усталый,
Следя – струится благодать
Над снегом талым.

Всё бренно... Ниточка слаба,
Но длят меновенья
Свеча-печаль, свеча-судьба,
Свеча-прозренья.

Куда ни глянь, чего ни тронь –
В любовном стоне
Пусть тонет женская ладонь
В мужской ладони.

И пусть не меркнут в толще лет
Средь лжи и смрада
Свеча-закат, свеча-рассвет,
Свеча-отрада...

* * *

Первое августа. Завтра Илья.
Серым дождям ни конца, ни начала.
Сохнет не высохнет стопка белья,
Что накануне жена настирала.

Лето на позднем своём рубеже,
Сколько Илью ни зовите Илюшей...
И поселяется осень уже
Первого августа в стильную душу.

Значит, мне старые книги листать,
В небе выискивать светлые пятна.
Значит, мне с птицами вдаль улетать,
Точно не зная, вернусь ли обратно?..